

Ирина Оганова

#ИЛЛЮЗИЯ СЧАСТЬЯ И ЛЮБВИ

*...она сидела на самом краешке
его сердца..*



 ПИТЕР®

Ирина Оганова

**#Иллюзия счастья
и любви (сборник)**

«Питер»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Оганова И.

#Иллюзия счастья и любви (сборник) / И. Оганова — «Питер»,
2018

ISBN 978-5-4461-0773-5

Пять новелл о жизни и любви, уводящих читателя в тайный мир желаний и запретных эмоций героев нового времени, в которых каждый может с легкостью узнать самого себя. Об авторе: Ирина Оганова не просто известный искусствовед и популярный Instagram-блогер. Эта яркая и стильная женщина обладает удивительным талантом прозаика. Она создает живые истории человеческих взаимоотношений, растворяющиеся в стремительном марафоне современности – драматические этюды встреч и расставаний, полуразмытые питерским дождем. #Иллюзия счастья и любви – литературный дебют во многих смыслах: первое опубликованное произведение автора и первая книга, рожденная в инстаграме.

УДК 821.161.1

ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-4461-0773-5

© Оганова И., 2018

© Питер, 2018

Содержание

Милая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирина Оганова

#Иллюзия счастья и любви

"она сидела на самом краешке его сердца..."

© ООО Издательство «Питер», 2018

Читая литературу современных молодых авторов, всякий раз не перестаю удивляться живости языка и интересным образам. Перечитываю с удовольствием и с таким же удовольствием рекомендую это произведение своим близким!

Ваш, Олег Рой

Я попала в дом к автору этой книжки в свои 20 лет. И мгновенно она покорила мое сердце своей мудростью, абсолютной женственностью, чувством стиля, красотой, добрым и честным отношением к окружающим и миру в целом, и своей неиссякаемой надеждой и уверенностью в том, что волшебство любви творит настоящие чудеса в жизни человека. Вот, наверное, для меня эта книга как раз об этом. Прочитайте эту книгу, и вам будет жаль, что она закончилась.

Ваша, Ольга Слуцкер

Приехав в Петербург на съемки новой экранизации романа «Война и мир» ВВС, я познакомился с удивительной женщиной, настоящей легендой Санкт-Петербурга, без которой невозможно представить этот город. Теперь на создание ювелирных коллекций меня вдохновляет не только фундаментальный роман Л. Н. Толстого «Война и Мир», но и живая, близкая для меня книга «Иллюзия счастья и любви».

Ваш, Петр Аксенов

Милая



Валька рос счастливым и улыбчивым. Одно его огорчало – прочерк в графе «отец», это казалось ему величайшей несправедливостью. Но мать упорно твердила: отец – подводник, так бывает... Позднее всё понял: никакой он не подводник, а просто козёл.

Алевтина, женщина простая, маленькая и пышная, воспитывала сына в строгости. Знала: один он у неё, опора в старости. Валька рос вполне послушным, спортом увлекался, а вот учился трудно, ленился, да и способностей особых не наблюдалось, хоть и смышлёный был.

Валя совсем был не похож на мать: высокий, статный, пальцы длинные, как у пианиста, кудри русые. Видно, в породу отца пошёл. Поговаривали, был он командировочным. Диву давались, что нашёл красивый мужик в конопато почтальонше? Покраше девки были!

Жили они тогда в Свердловской области. Вальке было тесно в маленьком провинциальном городке, даже Свердловск казался центром вселенной. Мечтал о Питере, в Москву ехать боялся: большая, раздавит... Мать настояла: сначала армия, потом и работать пойти можно, главное – мужиком стать. Валентин материнской воли не сопротивлялся, армия так армия...

Служилось на редкость легко. Офицеры любили его за выполнение устава и весёлый нрав, старшие пацаны не задирали: крепкий парень, держался с достоинством. Там Валя мужиком стал – в полном понимании этого слова. Девочек любил страстно, но боялся. В кино ходит, погуляет, натискается, а как до главного – бежать сломя голову... Думал, вдруг осечка какая, позору не оберёшься...

Ольга, врачиха медсанчасти, была другая – пылкая, жаркая, взрослая.

Солдатики смеялись по-доброму:

– Кто-то остался, кто Ольгу не пробовал?!

Врач она была хороший, опытный, но в остальном – слабая, не могла свой неуёмный темперамент сдерживать, видно, всё от некрасивости: не хотела шанс упускать. А на Вальке сердце дрогнуло, полюбила она его всей душой, хоть и в сыновья годился.

Валя поначалу боялся её люто, потом привык и к ласкам, и к словам нежным, порой симпатичной казалась – видно, от любви своей расцветала. Валька знал: рано или поздно встретит свою настоящую любовь, правда, много требований у него было: красивая должна быть и не глупая, и чтобы из благородной семьи, и чтобы отец был, и гордиться мог...

Там же, в армии, друга нашёл себе, близкого, надёжного. Семён, шуплый очкарик из ленинградской интеллигентной семьи, покорила сердце Валентина. В нём было то, что так не хватало самому Вальке и к чему он неосознанно стремился. Они стали необходимы друг другу.

Валя как коршун защищал друга-ботаника от нападков дерзких дембелей, хотя тот и сам мог договориться с самим чёртом.

Семён попал в армию по твёрдому убеждению отца, уважаемого профессора, доктора исторических наук. Семка любил жизнь красивую. А на достойную жизнь нужны были бабки, и он знал, как их заработать – фарцевал, да и валютой не брезговал.

Отец не понимал, за что такое наказание? Но сильно не ругал, называл «позором семьи» и регулярно отмазывал в милиции, связи имелись...

Валентин слушал байки друга затаив дыхание: и про девочек, на которых Семка денег не жалел, заваливал подарками, и про застолья с икрой и шампанским.

Да и в армии он не терялся, всегда находил возможность свалить до утра, приплатив дежурному офицеру, или купить увольнительную у командира роты за деньги или продукты с сигаретами – деньги всегда водились, друзья грели...

Семён дембельнулся первым. Слегка приобнял Вальку на прощание и похлопал по плечу:

– Давай, брат, отслужишь – жду... Такие дела закрутим! Видишь, как в стране всё меняется, только успевай...

Валентин до кончиков пальцев понимал, что Семка – его лотерейный билет, вход в новую жизнь.

Домой вернулся другим.

Алевтина поняла: перечить сыну не с руки, всё равно уедет...

– А как же я, сынок?!

– Как-как, молча... На ноги встану, к себе перетащу, не сомневайся.

Она знала: как сказал, так и сделает, и поутру с дальним родственником укатила в Свердловск на поиски гражданского, ничего не сказав Вальке – против будет... Страну уже наводняли модные заграничные шмотки, а может и не модные вовсе, и шились за углом, но народ брал, устал в отечественном ходить... Алевтина давно откладывала, думала, Вальке на свадьбу, а тут такое дело – сын в Питер едет, снарядить надо, да и проводы устроить достойные, народу-то много, всех звать придётся, не городские...

Валька с друзьями гулял, портвейн дешёвый пили за встречу, домой пришёл – мать счастливая встречает, а перед ней чудо-стопка вещей невиданных: и джинсы, и костюм спортивный, и футболки заморские...

– Мам, ты что??? А у самого слёзы в глазах, то ли от счастья, то ли от обиды за мать: всю жизнь вкалывала, себе во всём отказывала, давно на женщину перестала быть похожа от бабской безысходности...

– Ничего, ты ещё так заживёшь у меня, как королева... Только срок дай! – лепетал Валя от смущения, расчувствовался больно... – Дело делать надо, а не сопли распускать...

Семён встречал друга лично, приехал на какой-то развалюхе, правда, Валька аж присвистнул от удовольствия: встретил, да ещё и на колёсах!

– Сём, а жить-то мне где? Ума не приложу... Может, угол какой снять? Мать денег подбросила, а там, может, и работу найду...

– Какой угол, Валёк! Ко мне жить поедешь, я уже и своим сказал... Только ты на них не обращай внимания, пережитки прошлого они у меня, но не вредные – тоже хлебнули по самое не могу по своей еврейской линии...

Валька знал, что Семён еврей, но что это значит, до конца не понимал.

Все его знания сводились к тому, что если еврей, то обязательно хитрый, и все беды от них, правда, про Семёна такого не сказал бы, хитрый, конечно, зараза, так это, видно, от ума, а не от злого умысла.

Приняли его хорошо, похоже, Сёма какую-то жалостливую историю наплёл, уж больно внимательны были – и сына единственного любили, и всё, что с ним связано. «Вот тебе и еврей!» – думал Валентин.

Всё устройство их дома и жизни удивляло Вальку, начиная с накрытого на завтрак стола и до вечерних ужинов с бесконечными спорами о политике, искусстве и других житейских делах. Валька многого не понимал, но интерес имел огромный, особенно когда Генрих Давыдович рассказывал всякие исторические байки, в которых шарил не по-детски, профессор всё-таки!

Мама Семёна играла на скрипке в каком-то оркестре, Валька толком не знал, в каком, но видно, что не в простом, раз часто уезжала на гастроли за границу.

В доме всегда суетилась немолодая женщина Елизавета. Они называли её помощницей, а не прислугой, что вызывало у Валентина чувство уважения к этой почтенной паре.

Генрих Давыдович был человеком обстоятельным, спорить бесполезно:

– Погуляйте немного и в институт со следующего года.

– Семёну что? Башка еврейская, умная, а я-то куда? Смогу ли?! – сомневался Валька.

– Сможешь, – убедил Генрих Давыдович. – Поможем, на подготовительные пойдёшь, я устрою.

Нравился ему Валентин, и за сына спокойно было: прикроет, если что, времена сложные.

Вальку решено было в Финансово-экономический засунуть, а Семён в Университет на юридический пойдёт, сам пожелал.

– Должен знать законы и знать, как их обходить, – смеялся, дальновидный был.

Сёма быстро освоился после армии, стал думу думать, деньги нужны... Страна трещала по швам, бурлила как встревоженный вулкан, доживала по старым правилам. Дружки надёжные тему подкинули: «матрёшечный бизнес»...

В СССР продукция народных промыслов: палехские шкатулки, гжельский фарфор, жостовские подносы, хохлома, павловопосадские платки – всё строго шло в валютные магазины «Берёзка», на прилавки попадала лишь маленькая часть. Вот эта маленькая часть и доставалась «матрёшечникам» через своих людей из торга, за долю малую – иностранцы всё скупали, спрос был огромный.

Учёба Вальке давалась нелегко, особенно в первый год. Чужим он себя чувствовал, трудно приживался, но упорно и с надеждой, а деньги «матрёшечные» радовали, и матери исправно посылал – скучал по ней невыносимо.

Алевтина гордилась и местным рассказывала, как сын её в люди выбился, учится в институте и работает, только не свидеться пока, может, к лету приедет.

А летом закрутило друзей: ленинградское лето особенное, ночи белые, девчонки в коротких юбках бегают.

– Вальк, надо квартиру снять, будешь жить как человек... И я, если что, остаться смогу, и тёлки... Сам понимаешь!

Валька мягче был, не мог девчонок так называть, хоть и непостоянный был, до всех охочий, но к женскому полу уважителен, даже если на раз. Девушки думали: ну всё, влюбился, на крючке, а его и след простыл...

Сёма баб презирал, дешёвками продажными называл, а они к нему липли, чувствовали, что при деньгах, щедрый и толк из него будет. Семён понимал время, чуял наживу, фартовый был, всем занимался: спиртное, компьютеры – деньги рекой потекли.

– Валь, в Германию поедем, тачки приличные купим, подержанные, сами пригоним...

– Ты что, Сём, двинулся? Посмотри, на каких ребята рассекают, и ехать никуда не надо, сюда пригоняют.

– Валь, знаю я этих ребят, морды бандитские, дармоеды с барсетками. Пусть на ворованных ездят, крутых ослов изображают за три копейки, я за эти деньги скромнее возьму, зато честную. Вот посмотришь, скоро будут свои тачки тёмные с перебитыми номерами от ментов прятать.

Как в воду глядел. Не любил он братков, терпел.

Первый раз поднаехали:

– С кем работаешь, что такой борзый, порядков не знаешь?!

– С Валькой, – не растерялся Сёмка. – С Валькой Уральским.

Валька быстро нашёл общий язык с пацанами, да и свердловские промышленяли в Питере, приняли его – правильный парень, глаза не бегают.

– Валя Уральский! Ничего я тебе кличку придумал! – давился от смеха Семён.

Вальку к себе звали многие, ни к кому не захотел, но на бокс пошёл – пригодится.

Алевтина уже несколько раз навевалась в Ленинград, таща всякую снедь любимому сыну. Валька мать тоже баловал, по бутикам таскал.

– Да куда мне всё это? Да и не шьют такое на коров!

Валька силком запихивал её в кашемировый светлый кардиган.

– Валь, ну маркий же!

В ресторанах Алевтина шёпотом спрашивала:

– А сколько это стоит?

Если узнавала, то до утра на чём свет поносила хозяев, называла их гадами и кровосомами. Валька мать огорчать не хотел, врал порой, отходил рассчитаться и молчал тупо, глаза отводил, если она со стола подбирала, что не доела, в салфетки трепетно заворачивала – понимал мать...

– Женишься-то когда? Внуков хочу, что так долго выбираешь...

Одной зимой решили на Сейшельские острова смотаться – экзотика!

– Валь, отель возьмём на уровне и бизнес-классом полетим, надо к хорошей жизни привыкать. Только я не один полечу... С тёлкой одной, с Маргаритой.

Маргарита – высоченная и тонкая – полностью соответствовала вкусам времени. На Вальку впечатления не произвела, любил ладненьких, да и раздражала его, мешала отдыхать – прилипчивая...

Семён ходил гордый, Маргарита была его находкой. Выкопал её в каком-то спальном районе, в тьме тараканьей, голосовала на дороге. Приодел, отмыл от краски дешёвой, и вот – модель да и только.

– Сем, а ничего, что она двух слов связать не может?

– Ничего, брат, это её главное достоинство.

Семён всерьез увлёкся преображением Маргариты. Он наряжал её как новогоднюю ёлку и получал нестерпимое удовольствие, когда выводил своё детище в свет, наблюдая, как мужики сворачивают головы. Нужно отдать должное – Маргарита дешёвкой не была, по сторонам не пялилась. Генрих Давыдович выбор сына не одобрял, был вежлив, но угрюм, когда сын в очередной раз тащил её в гости на семейный ужин, не понимал он такой красоты на одну извилину.

Семен был мозг, Валька – при нём. Всё пополам, всё на двоих. Транспортную компанию открыли, к недвижке стали приглядываться.

– Сейчас надо брать, потом всё поделят, самое время суетиться, Валёк, – говорил Сёма. – Отдыхать на пенсии будем, на своём острове с мулатками!

Любил он баб красивых, и чтобы непременно длинная, как в журналах...

Купили квартиры элитные на одной лестничной клетке на Васильевском острове. Евро-ремонт забахали достойный. Маргарита к Сёме переехала со всеми платьями да сумками, что подарил. Семёна всё устраивало: молчит, глупые вопросы не задаёт – где ты? с кем ты? – хоть на сутки пропади, хоть на неделю... И замуж не тянет, понятливая! Знала: если и бросит, то без содержания не оставит, пока другого кормильца не найдёт.

Валька обожал ездить к Сёмке на дачу, душевно, по-домашнему. На рынок ездил сам, выбор мяса на пельмени не доверял никому, и фарш сам делал, и пельмешки крутил – ровненькие, один к одному, благо мать научила. Генрих Давыдович с супругой были чрезвычайно благодарны, где еще таких настоящих отведаешь? А то всё шашлыки да шашлыки...

Марго не брали – молча, без объяснений. В городе с ней куда ни шло, а на даче – святая святых, что старикам кровь пить? Не принимали они её...

Одним летом чуть ли не каждые выходные мотались в Репино. Лето стояло знойное, совсем не питерское, курортное.

– Поехали на Щучку, поплаваем, залив цветёт, не залезть, – предложил Сёма. – На великах сгоняем, пока окрошку настругают.

На озере народу – не пропихнуться. Решили искать место поукромней, хоть и пол-озера объехать пришлось. Нашли песчаный островок и вход в воду приличный, народу совсем немного...

– Валька! – из-за кустов выскочила смешная девка в бикини. – Сто лет тебя не видела!

Казалось, она лопнет от счастья и удачи. Валя силился из последних сил, но не смог вспомнить ни имени, ни кто она ему будет.

– Дааа, привет-привет!.. Семён, друг мой.

– Лиза... А я с подружкой, она к выпускным готовится, приехали поплавать, поваляться... А вы что?..

Валя посмотрел на то место, откуда выскочила Елизавета. На большом цветном полотенце лежало стройное, кукольное создание оливкового цвета. Он неосознанно подошёл к ней,

девушка не отрывалась от чтения, но хмурила нос, давая всем видом понять, что ни на какой контакт не пойдёт.

– Моя подруга Саша, – сказала Лиза. – Валь, она с таким гонором, не трогай её!

Валька уже ничего не слышал.

– Александра, разрешите познакомиться, Валентин...

Он утонул в её янтарных глазах.

– И что вы такая сердитая?.. Пошли купаться, хватит зубрить...

Семён сразу понял – заторчал Валька как-то по-особому, со смущением. «Ну да, смазливая, – отметил про себя, – только мелкая какая-то, как подросток...»

– Девушки, а давайте к нам на окрошку, приглашаем!

Лиза опустила на корточки и стала шептать, уговаривать:

– Саш, ну что тебе стоит? Не съедят тебя, а мне знаешь, как надо... Думала, и не встречу его уже никогда... Они ребята не простые, при делах больших... Если что, я и на второго согласна... Не пойдёшь – обижусь!

– Лиз, бери сразу двоих, мне не надо! У меня экзамен завтра, вечно приключения ищешь!

– Саш, это ты у нас из обеспеченной семьи, а мне кормиться как-то надо и тряпок новых хочу...

– Ладно, уговорила... Учти, Лиза, на пару часов! – пробубнила Сашка, аккуратно укладывая книжки в большую холщовую сумку.

Генрих Давыдович ничуть не удивился, что ребята вернулись с озера с двумя симпатичными девочками, сам не промах был в молодости, да и не в молодости тоже особой сдержанностью к женскому полу не отличался. Сашенька особенно понравилась: хорошенькая, чувствуется, из семьи не простой, с манерами.

– Вот бы моему мерзавцу такую, слова бы не услышал!

Сидели долго, болтали, и Александра оказалась вовсе не гордячка, и разговор поддерживала и смеялась над шутками Генриха Давыдовича, и о себе охотно рассказывала.

Саша была полукровка: мать русская, отец обрусевший грузин, с маленького возраста рос в Ленинграде, закончил Высшее мореходное училище имени Макарова, плавал загранку, позже занялся бизнесом и прилично преуспел.

Сёмка с интересом разглядывал смуглое чудо, в ней чувствовалась какая-то уверенность, достоинство, и внешность необычная, видно, что не русская, а кто – непонятно.

– Она Моя! – прошептал Валька. – Слышишь, моя, и не пялься!

– Валя, да она и не в моём вкусе, зверёк экзотический. – Семён для убедительности скривил морду.

Валька влюбился, сильно, по-настоящему, не мог дождаться утра, спал плохо, грезил Сашенькой. Всю неделю по вечерам бегал на свиданки, непременно с букетом, с любовью выбирал ей подарки, хотелось бесконечно радовать. Всё было впервые: и то, что испытывал к ней, и как тосковал, не успев расстаться, и в койку не тянул, полюбил слишком. Никого не замечал вокруг.

Валентин каждый вечер подвозил любимую домой, адрес знал и ровно через неделю, в субботний вечер, поднялся на 4 этаж и позвонил в дверь. Открыла интересная женщина с Сашкиной улыбкой.

– Простите! Я бы хотел поговорить с отцом Александры. Я Валентин.

Женщина с удивлением смотрела на него.

– Да, Саша говорила о Вас.

В коридоре показался отец и сама Александра. Валька еле стоял, ему казалось, земля уходит из-под ног, он медленно протянул коробочку. Саша открыла, там лежало красивое кольцо с бриллиантом.

– Простите, я прошу руки вашей дочери!

Он был абсолютно уверен, что именно так надо сделать предложение и сейчас, сразу, тянуть нельзя, он не может её потерять.

– Молодой человек, пройдите в мой кабинет, поговорим...

Александра молча ушла в свою комнату и закрыла дверь. Она не понимала, что происходит, всё казалось нереальным, киношным, долго лежала на кровати, раскинув руки, смотрела в потолок... Только прошла боль! Только начала привыкать к жизни без Адама... На тебе!

Адам был её первым осознанным мужчиной, с ним она превращалась в гуттаперчевую куклу: делай что хочешь, не больно! Ушла сама, устав от измен и равнодушия, дав себе слово: «Пусть любят меня, безумно любят – любить мужчину неблагоприятное занятие!»

Она не слышала, как ушёл Валентин. Поплакала и заснула.

Утром отец сказал:

– Сашка, мне понравился этот парень. Он действительно тебя любит, и, я уверен, у него есть будущее. Да и тебе пора замуж... Я дал согласие, и тебе отказывать не стоит. Послушай отца – этот мужчина способен оценить тебя, а это самое важное!

Со свадьбой решено было не тянуть – две недели на всё.

– Женюсь, – сказал Валя между прочим Семёну.

– На ком?

– Как на ком?.. На Саше...

Валька скрывал, что встречается с Александрой почти каждый день.

– Ты не торопиться? К чему такая спешка? – в голосе друга слышалась горечь.

«Завидует!» – решил Валентин.

Лизу чуть не хватил удар.

– Подлая ты, Сашка, увела парня! И что они в тебе находят?.. Не любишь ведь его...

– А мне и не нужна любовь! Мне семья надёжная нужна. Хватит, любила уже, пусть меня любят!

Свадебное платье не выбирали, не было ни времени, ни желания. Купили первое маломальски подходящее.

Сашка отдавала себя на заклятие едва знакомому человеку, сулившему ей счастливую жизнь.

– Саш, ну что ты делаешь? Ещё не поздно, давай всё отменим!

– Мам, а как ты себе это представляешь?! Поздно!

Перед самым выходом в ЗАГС позвонил Адам.

– Я не могу без тебя... Давай всё забудем, я реально тебя люблю...

– Я выхожу замуж, прямо сейчас. Всё кончено, Адам.

Алевтина приехала день в день к свадьбе, раньше не смогла, билетов не было. Увидев Сашу, стесняться не стала – прямая была – и сокрушённо сказала вслух:

– Не пара она тебе, не твоего поля ягода... Больно интеллигентная! Намаешься, сынок...

Свадьба была весёлой. Народу пригласили немерено, широко гуляли. Невеста сидела с красными от слёз глазами, все думали – волнуется. Сёма демонстративно припёрся с Марго. Вырядил её на все сто, многие потом обсуждали подругу свидетеля:

– Хороша, чертовка!

Лизка не слезала с Сашки:

– Смотри, не будь сукой! Сама пристроилась, и меня не забудь!

Валентина всегда удивляло, что у них общего? Да кто поймёт, можно подумать, они с Семёном братья-близнецы!

После свадьбы молодые прямиком к Вальке, Алевтину радушно приютили на ночь родители невесты. Отец Саши был человеком воспитанным и мудрым. Мама поначалу делала лица, но потом вспомнила, что взял её Серго из нищеты кромешной – за красоту и лёгкий нрав, и смирилась: устроится всё как-нибудь...

Александра тихо прошла в спальню и, как была в фате, села на кровать. Всё было чужим, и голова кружилась от выпитого. Валя присел рядом, нежно притянул к себе.

– Ты только ничего не бойся. Я сделаю тебя счастливой... Тебе понравится, я уверен.

Слёзы катились по Сашкиным оливковым щекам, она то и дело смахивала их и улыбалась.

– Правда?.. Ведь всё будет хорошо?

– Я обещаю. Ты – самое главное, что случилось в моей жизни... Давай я раздену тебя, уложу, дам чаю, буду жалеть, пока ты не заснёшь...

И Сашка сдалась. Она тонула в его нежности.

Алевтина прогостила неделю и уехала недовольная. Попросила невестку звать её мать, принято так, а та заартачилась, мол, мать у неё одна. Хотя и вежливо, но всё равно обидно, думала Алевтина. «Будто навек к ним приехала, не могла потерпеть!.. И Валька хорош, сторону Сашки взял. Не дело это!»

Домой вернулась, говорила только хорошее: и что жена у Валентина красавица, и умная очень. В общем, расчудесная со всех сторон, хоть и не русская. Фотографиями молодых весь дом устала – пусть все видят, завидуют.

Александра, как могла, привыкала к новой жизни. Времени свободного много, на работу – только в сентябре, хоть Валя и против, что, зря пять лет училась? С утра убегала по магазинам, квартиру на свой лад устраивала. У Валентина со вкусом проблемы были, всё на кричащее тянуло – хотел, чтоб за версту деньгами пахло, золота побольше и шторы дворцовые.

– Саш, ну ты делай, как тебе хочется, – говорил ей Валька, – хоть всё сломай и старое выброси... И домработницу срочно в агентстве подыщи, ты же у меня принцесса.

Пока один жил, всё сам делал, благо Алевтина приучила.

Саша ходила каждый день в агентство, как назло, никто не нравился, а тут ещё Валька сообщил, что пригласил своих неожиданных друзей детства на обед.

– Сашенька, их двое, Сёма с Марго и мы... Ты список напиши водителю, он купит всё. Ну, придумай что-нибудь, а я пацанам Питер покажу и к трём на обед.

– Люблю тебя нечеловечески! – кричал уже с лестницы.

Придумай!

Что придумай? Сроду у плиты не стояла и тяги к этому не испытывала. Хоть бы спросил, «Саш, а ты умеешь готовить?!»

Достала поваренную книгу – семейную, пятьдесят пятого года – спасибо, мать подсунула. Полистав, решила, что уж щи какие-нибудь сварит и мясо пожарит. Александра стояла над грудой продуктов, пытаясь вникнуть в процесс готовки.

Всё вроде как в книжке, попробует – вкуса нет в супе, хоть и два часа варится, чуть не плачет: наверное, мясо не то? Вспомнила, Марго напротив живёт: «К ней сходить, что ли?..»

С Маргаритой у Сашки дружбы не получалось. Так, молчаливо терпели друг друга, а после свадьбы та и здороваться перестала.

Подошла к соседней двери, позвонила. Неужели нет никого?!

Дверь открылась, на пороге появился заспанный Семён.

– А, Саш, это ты... – удивился он. – А я уже орать собрался, думал, Марго ключи забыла. Что стряслось? Война началась, или твой дома не ночевал?.. Так выходной, положено...

Она чуть не плакала и точно так же хмурила нос, как в тот день, когда он увидел её впервые. «Зараза, глаза бы её не видели!!!» В ней жили две Сашки: одна вполне взрослая, а вторая – ребёнок. Скажи ей, что к нему сегодня ночью приходил дух Ленина, и она, не подумав, удивлённо выпучит глаза и скажет: «Дааааа???»

– Сёма, беда! Я щи варила, а они на щи совсем не похожи!

– Да успокойся, пошли, покажешь свой шедевр.

– Да, Саш... Это, конечно, не щи! Будем из них харчо делать.

– Какое харчо! Это были щи, – у Сашки кривились по-детски губы.

– Хочешь, будем плакать вместе? – он поймал себя на мысли, что она – другая, не такая, как все, слишком нежная.

– Подожди!.. – он принёс из дома какую-то томатную пасту и кучу специй. – Пробуй, моя вариация на тему харчо.

– Сёма, я не знаю, как это называется, но есть можно... Давай ещё петрушки сверху.

– Саш, это всё? У нас на обед только харчо-щи? Тогда хлеба режь, не жалея.

– Ещё мясо... Но с ним тоже беда!

– Здесь недалёко шикарная кулинария есть, никто не поймёт. Маргарита не скажет, сама целый год оттуда кормила.

Менялись правители, рушилось Великое Государство, устанавливались новые порядки, принципы, устои, мораль, города возвращали свои прежние имена, люди оставались прежними. Вальке и Семёну однозначно пёрло – за что ни брались, всё срасталось! Переехали с Васильевского острова в самый центр, на Мойку, купили дома в Репино, охраной обложились на джипах.

– Сёмка, что ты такой понтовый, машины меняешь – одна круче другой, с девками светишься звёздными!.. Не понимаешь, братве это как серпом, – машины да бабы! Доиграешься!

– Валька, я лучше с ментами дружбу водить буду, хоть и не при делах они сейчас.

Как в воду глядел Валентин. Начались проблемы.

– Валь, ты-то пацан правильный, – подкатывала братва, – а эту морду еврейскую пора на место ставить... Сливай его, Валёк, надоел он всем, борзый больно!

Валентин пошёл к авторитету – знал одного, уважали друг друга.

– Ну что, Валь, так тоже не дело... Киньте что-нибудь в общак, не обеднеете!

– Нет! – упёрся Валентин, – ты же знаешь, один раз кинешь – всю жизнь платить будешь. Лучше сдохнуть!

– Ладно, Валёк, иди... Настырный ты. Живите, прикрою, пока сам живой. Вот ты Уральский, бесстрашный! Повезло твоему еврею!

– Брат он мне! Слышишь? Брат!

Генрих Давыдович – откуда что берётся? – связи имел серьёзные и вывел на правильных людей при власти. Ребята лучшие места для застройки получали, компанию организовали строительную, крупную. Семён работал много, азартен был, но и удержу в веселье не знал, тёрся ночами по дискотекам да казино, бухать начал и другим не брезговал.

– Жизнь у тебя поганая, Сём, – говорил Валентин. – Вроде и Маргарита у тебя в доме, а семьи нет... Любви тебе надо, настоящей!

Сёма и сам знал, что любви надо. Только знал бы Валя, что нужна ему Сашка... Сёмка не понимал, как такое могло случиться, что только она в башке сидит. Ненавидел себя. Напётся, зла Вальке желает, на Марго срывается. Стыдно потом становилось, невыносимо!

Валя хотел детей, даже не детей, – он мечтал о маленькой Сашеньке. К ним на дачу по выходным часто приезжала Лизка, и не одна, а с крошечным, трогательным человечком. Валька с упоением таскал его на руках по всему участку, заботливо придерживая головку – Лизавета научила. Из неё на удивление получилась хорошая мать, хотя рожала сына с дальним прицелом, подцепив перезрелого чиновника, естественно, женатого. Тот спорить не стал, за место и жену держался, и на все Лизкины условия пошёл: квартиру купил, содержание определил, да и в душе гордился, что ещё на что-то способен, сына породил... Лиза была в шоколаде, подобрела от жизни спокойной и сытой.

Сёмка втайне радовался, но не злорадствовал, что у Вальки с ребёнком не заладилось.

Он чувствовал всей душой, что нравится Сашке. Видел, как та глаза отводит порой, как радуется его приходу, как болтает с интересом!

Зимой большим составом на Сейшелы поехали, давно собирались. Больше всех радовался Семён: Александра-то совсем рядом!

Валька далеко плавать не любил, глубины боялся. А Саша пускалась в заплывы дальние, аж на час, и Сёма с ней – вроде за компанию. Болтали обо всём, читал он много, память хорошая, Саше нравилось, и шутки его любила, тонкие... Однажды на скутере катал её – летел над волнами бирюзовыми, Сашка сзади, едва касаясь руками, держалась за него. Он чувствовал её каждой клеточкой своего тела, до кома в горле.

На обед садились большой дружной компанией. Заказывали рыбу дикую, лобстеров и лангустов, прохладное розовое вино разливали. Маргарита чувствовала себя неважно, голова кружилась, тошнило всё время, была вялая и раздражительная...

– Что с тобой? Никогда такой не видел!..

– Смена климата, пройдёт...

А дома сообщила, что беременная, и срок уже три месяца. Двойня будет.

– Да, знала, молчала..., – угроза была, думала, выкину, а в больницу на сохранение не легла.

Сёма смотрел на Марго и понимал: будут дети, он станет отцом... Позвонил Вальке.

– Встретиться надо! Пошли, посидим где-нибудь.

– Ко мне дуй! Сашка пирог какой-то делает, вся кухня в муке... Старается!

– Нет, Валь... Не хочу к тебе, разговор есть, совет нужен.

Да какой там совет!.. Просто поделиться надо!

– Сём, что с лицом? – удивился Валька. – Что случилось?..

Не так давно вроде расстались, всё в порядке было.

– Валь, у меня дети...

– Какие дети?.. Ты что, спятил?.. Откуда?.. Когда успел?..

– Маргарита беременная, двойня у нас...

– Ну так здорово! А что такой трагизм в голосе?.. Теперь как порядочный человек ты должен жениться!

– Как она ухитрилась? Я и спал-то с ней раз в полгода, надоело всё к чёрту, я и сказать уже хотел, понятно – не обидел бы... А теперь что? Всё равно не женюсь!.. Дети детьми, а это совсем другое дело!

– Слушай, ты уже столько с ней живёшь! Она всё терпит, слова не сказала. Нашляешься – и к ней... Тебя не каждая баба стерпит. Она тебя любит, дети будут... Что ещё надо?

Валька обожал жену, знал, он-то – любит, а любит ли его Саша?.. Ни разу ему не отказала, но и не горела никогда, только глаза откроет свои большие и вопьётся в него взглядом, как будто что-то понять для себя хочет. Ещё он знал: ни одна нормальная женщина не сможет отказаться от такой любви, какой он любил Сашеньку. Она должна быть полной дурой, Сашка была не такая...

Семён ждал близнецов, и, казалось, сам проходил все круги ада. Марго ходила тяжело, и он чувствовал свою ответственность, гулянки свёл до минимума. С Александрой при встрече не общался – она вдруг закрылась, научилась скрывать свою симпатию и была нарочито холодна, видно, от бессилия.

Близнецы появились в конце лета, и Валька на правах друга рвался забирать Маргариту из роддома. Семён не захотел и даже родителям отказал, правда, понимания у них не нашёл.

Заехал за цветами – вроде положено – купил шикарные. Он толком и не знал, какие Марго любит, сам не спрашивал, она не говорила. Однажды подарил на какой-то праздник, молча взяла – и в вазу, пицала бы от восторга, может, чаще дарил... А вот деньги брала с удовольствием, да он ей и не отказывал ни в чём, сколько скажет, столько и даст, а на что – ему было не интересно.

Маргарита вышла, прижимая голубой конверт. Рядом медсестра – с другим. Семён растерялся, такое волнение его охватило.

– Ну что, папаша, поздравляем... Держите своих богатырей! Мы тут на них всем роддомом любимся, чисто ангелы...

Сёмка чуть не расплакался, как школьник...

– Спасибо тебе, Маргош... Надо же, какие маленькие!

Марго гордо, с видом победителя, села в машину. Сзади уже сидела нянька, поджидая детей, охранники суетились вокруг.

После выписки – напрямик в загородный дом. Мама Семёна всем руководила, детскую подготовила, и всё, что надо для внуков, купила с избытком.

Молчали.

– Дорогая, один точно Александром будет. Второму пусть мама имя даст, а то обид не оберёшься... Ты не против?

– Твои сыновья, ты имена и давай!.. А что вдруг Саша?! Я думала, Валькой в честь друга назовёшь, – ехидно подколола Маргарита, видно, догоняла что-то, но слово «дорогая» смутило, впервые сказал...

– Я реально счастлив, пока не могу осознать всего! Проси, что хочешь, за рождение пацанов!

Маргарита, не задумываясь, как будто давно на уме было:

– Квартиру на меня перепиши. И еще пару небольших подарков, чтобы сдавать могла... Или, может, бизнес какой открою... Салон косметический хочу. Устала я от неопределённости, а так хоть знать буду – не пропаду с детьми.

Сёма посмотрел с удивлением.

«Вот тебе и молчаливая Маргоша!» – такая она ему явно нравилась больше.

– Я согласен, завтра юристам всё скажу, – и засмеялся.

Через месяц после появления в доме малышей решено было большой праздник организовать, да так, чтобы всю жизнь помнить. Народу позвали разного, близких и просто важных.

– Маргош, может, мать свою позовёшь? Ведь ни разу её никто и не видел, а отец вроде бросил вас давно...

– Сём, какая мать!.. Хочешь, чтобы напилась и всем праздник испортила?

Маргарита мать любила, жалела сильно, но презирала за слабость и жизнь никчёмную. Отец бросил их, когда Маргошке было лет пять. Она ничего не помнила, по старым фотографиям понимала, что жили они правильной жизнью, может не богато, но достойно, и с карточек на неё смотрела счастливая и красивая мама.

Марго помогала ей, спившейся, потерявшей всё, что можно потерять женщине. Сколько ни дай, всё пропёт с подружками случайными! Помнила, как ей хотелось бежать из дома, куда глаза глядят, хоть с самим чёртом, хорошо, Сёма подобрал... но она твёрдо знала, что к спиртному не притронется и жизнь матери не повторит.

Устройством праздника Семён занимался лично, Марго не дёргал – хоть и при няньках была, забот хватало... Всё по высшему разряду заказал: и шатры на случай дождя, и сцену для артистов, даже салют убедительный.

Алевтина долго артачилась.

– Что на чужой праздник ехать, когда своя невестка родить не может?.. Не своя, холодная, даже на колкости молчит, слова не вымолвит! Вроде ничего плохого о ней сказать не могла, а душа не принимает Сашку.

«Не любит она Вальку моего, ох, чувствую, не любит», – причитала она про себя.

Сколько раз Валентин уговаривал мать к ним переехать, да всё напрасно. Да как она сможет всё это видеть? За сына и так сердце не на месте, а он, глупый, ничего не видит, души в ней не чаёт!

Гости собирались ко времени, с погодой повезло – ни облачка. Все охали и ахали, как роскошно и со вкусом всё устроено. Довольная Маргарита суежилась между гостей. Выглядела она безупречно, даже расцвела. Лизка с завистью поглядывала на неё.

«Только родила, а уже худая, зараза!» – и прикидывала, неужели Семён на ней женится?

Генрих Давыдович гордился сыном и внукам был несказанно рад, ещё и Марком назвали – уважили, в честь старшего брата. Другой – Александр, тоже имя достойное. Он и к Маргарите потеплел, расцеловал при встрече, искренне. Кругом стоял гомон, все о чём-то болтали, дети всех возрастов бегали по участку.

Александра стояла в стороне, наблюдала, как отец о чём-то оживлённо спорит с Семёном, и Валька был рядом. Валя всегда больше слушал, и не оттого, что неумный, просто человек такой. Сто раз за день скажет «люблю» и всё, – Сашке хотелось большего. На слова был скуп, да и ласков только по ночам.

Александра чувствовала: Сёма другой, все свои чувства по нотам разложит, если полюбит. Сашка испытывала странное смущение от его взгляда, и это было больше, чем симпатия, больше, чем влечение. В его взгляде была страсть. Вот и сейчас она понимала, что он смотрит на неё, словно ждёт ответа.

Нянька с Маргаритой вынесли детей на смотрины. Сашка подошла последней.

– Какие славные! – сказала она, понимала, дети – это неотъемлемая часть жизни, они просто должны быть, и всё.

Валька про детей не торопил, не напоминал, боялся обидеть. Сашка по врачам бегала, те только руками разводили, пока не предложили Вальке обследование пройти. Врач была близкой подругой матери, позвонила, попросила срочно заехать.

Проблема была в нём. Шансов мало.

Александра молча выслушала. Уходя, попросила никогда и никому об этом не рассказывать, анализы порвать, знала, Валентин не переживёт этого, руки на себя не наложит, конечно, но прежним не станет.

Семён не мог стоять на месте, банковское дело, начавшаяся приватизация – только успевай! Валька диву давался, откуда в его башке столько, понимал, что без Сёмки прозябал бы в Свердловской области до скончания века, хотя тот убеждал в обратном:

– Нет, Валёк, ты парень непростой, со стержнем, и без меня бы дорогу нашёл. – Правильный ты человек, надёжный, и в первые не метишь. Редкое качество, поверь!.. Знаешь, как бывает? Сначала вместе, а потом битва начинается, кто главней, и всё рушится, расходятся люди... А ты меня ценишь, и зависти в тебе нет.

Сёмка был блестящий аналитик, чувствовал, на кого опереться, с кем можно дело иметь. Они были уже не просто «крепкие ребята», они имели и вес, и влияние в смутное время, и власть имущих держались – в этом Семён был непреклонен.

– Увидишь, Валёк, – закончатся лихие времена, а мы в правильном месте, с правильными людьми и чистые. А если что и делали, так законы такие в стране были, грех не воспользоваться! Зато сколько рабочих мест по всей стране даём!

Вальке часто стыдно было за богатство своё чрезмерное. Он по-тихому помогал детским домам, на родине больницу отгрохал, да много чего сделал...

Сёма мотался между Москвой и Питером, потом плюнул и переехал в столицу. Иногда по выходным прилетал. Маргариту с собой не брал, жили каждый своей жизнью, только дети объединяли, хотя считал её родным человеком – честная она была и благодарная, и родители к ней привязались за отношение к внукам безупречное.

Марго понимала, рано она его встретила – глупая была, озлобленная жизнью, замкнутая, Семён кроме длинных ног и эффектной внешности ничего и не видел. Как аксессуар красивый рядом ползала, гордость мешала любви просить. Просить поздно теперь, и дети ничего в таком деле не решают, вот и живут они с Семёном как родственники. Мужики так устроены: если

охладел, так раз и навсегда, если не полюбил, так и не полюбит... Маргоша мечтала о любви страстной – так, чтобы душу выворачивало, со слезами, чтобы за руку по улице и на мостах целоваться до одури.

Мужики за ней бегали толпами, но второй Семён, видно, не родился. А от других тошнота к горлу подступала.

Валька держался, не хотел переезжать в Москву – ну, если только на пару дней, по делам, даже за границей ему спокойней было, да и Александра слышать о переезде не хотела. Валя по-прежнему обожал Сашеньку, но в душе обидно было, когда смотрел на Семёновых карапузов, один прямо копия Семёна, до смешного...

Валька и погуливать стал, Москва кого хочешь совратит, девки со всей России на охоту слетались как вороны голодные. Но Валька себя не осуждал, дело обычное... Всегда мужику новизны охота, вот и у него такой момент настал. Увлечённости не испытывал – так, для удовольствия, как правило, на один раз.

Сёма, наоборот, в каждой точке своего пребывания имел по постоянной подруге и по надобности вызванивал – без особых кабаков и выгулов, правда, щедрый был, и все его ждали с нетерпением. Сашку не забывал, но видел её редко и обычно на общих праздниках, в гости к ним давно не заходил – ноги не шли...

Лизка ждала второго ребёнка и тоже в Москву подалась, паровозом вместе с чиновником – тот резко в гору пошёл. Чинуша так и жил с женой, а к Елизавете навещался с пухлым конвертом в просторную московскую квартиру, грозился дом в Каннах купить – на рождение второго и за поведение достойное, не шлялась особо, и за молодость загубленную, и жену законную не терроризировала, что ох как водилось в этих кругах!

Лизка родила девочку.

– Сашка, я мать героиня! – кричала в трубку Елизавета. – Ты не представляешь, как здорово, что девка! А третьего можно опять мужика!

– Ты не боишься, сумасшедшая?! Он же никогда не женится на тебе, хоть пятерых ему рожай!

– Саш, вот ты откуда знаешь?.. Ладно, не суть... Крёстной будешь, через сорок дней крестить будем, как положено... Мой совсем головой тронулся, верующим стал, козёл старый!.. Чем богаче, тем ближе к Богу, представляешь!!!

Александра Москву любила, но жить там не могла: суетливый город, падкий до чужой славы и денег. Ей хотелось быть собой, а там надо соответствовать – уже не свобода.

Сашка понимала, Вальке в Москву надо, из-за неё торчит в Питере, хотя в последнее время чаще стал ездить и её звать совсем перестал...

«Доиграюсь!» – Валентин видел, как их жизнь тихо начала разваливаться.

Внезапно срывался, уезжал, а потом не знал, как загладить свою вину. Любил он Сашку, но что-то пропало, уходила надежда. Дом становился пустым и безмолвным, стало неуютно, многое теряло смысл.

Да ещё эта девица из Ростова, несколько раз притащил её в отель, и на тебе! – «жду ребёнка», «рожать буду», «грех на душу не возьму»...

Валентин ходил с ума, одно дело – погуливать по-тихому, другое дело – ребёнка на стороне завести, хоть и долгожданного, но от недостойной женщины. От Сашки хотел, только от неё! А здесь на тебе.

Девка рыдала днями... Жизнь стала невыносимой. Валентин понимал: ребёнка придётся на себя записать, помнил, как сам рос без отца – нагулянный, незаконный...

Надо решиться и рассказать Саше, она мудрая, поймёт, а если нет, то в ногах будет валяться, но не даст ей уйти! От одной мысли, что Александры больше нет в его жизни, становилось дурно. Хотелось стать крошечным, а потом и вовсе раствориться.

Семёну рассказал. Тот только у виска покрутил.

– Дурак ты, Валька! Пошли её куда подальше, скажи, что ни копейки не дашь. Посмотришь, как она запоёт! Вот моду взяли, шкуры! И не будь идиотом, молчи, Сашке ни слова – потеряешь её, не простит!

Валька был раздавлен, он не жил и ни на что решиться не мог, домой придёт, в глаза Сашеньки смотреть сил нет, душа на части рвётся! Жить с ложью не умел.

Александра не понимала, что с Валькой. Ласковый стал, проходу ей не даёт, а глаза на мокром месте, как у обиженного ребёнка. А то и голос повысит без повода, словно ищет, к чему бы придраться, главное – взгляд отводит...

– Валь, что с тобой, что происходит?..

Не выдержал, всё рассказал на одном выдохе, не пожалел ни себя, ни Сашку.

Она смотрела на него, ломала пальцы, а потом просто сказала, без зла и иронии:

– Это не твой ребёнок, Валя... У тебя не может быть детей. Не веришь, сходи к врачу, – и тихо ушла спать в гостевую.

Полночи не спала, но ни слёз, ни упреков не было, Вальку жалела и ненавидела. «Сама виновата, – думала она. – Нечего было в благородство играть, сносить упреки Алевтины, может быть, и другое какое решение нашли, безвыходных ситуаций не бывает! А теперь что?.. Никогда, наверно, не забуду...»

Вся Сашкина жизнь держалась на огромном уважении к мужу. Теперь он казался слабым и обычным, непонятно, как жить дальше.

– Как-нибудь справлюсь, – сказала вслух и почему-то вспомнила Лизку, её сожителя и супругу, которой было гораздо трудней, чем ей.

Сашка проснулась рано, на душе как с похмелья. Ей долго не хотелось выходить из комнаты.

Вальки уже не было. На столе оставил записку.

«Если тебе трудно меня видеть, могу переехать на дачу. Саш, я совершенно запутался. Наверно, мы оба в чём-то виноваты, хотя, скорей всего, виноват я один. Я очень люблю тебя! Не оставляй меня. Я не прошу простить, наверно, это невозможно... Я сам себе противен. Ничего не хочу объяснять, ты сама всё понимаешь».

Александра всегда была абсолютно уверена в Вальке, знала, что любит. И не просто любит – обожает!

Почему же она считала это совершенно естественным? Да, она ценила, но отвечала ли на его чувства? Нет!.. Узнав, что у Вальки не может быть детей, правильно ли поступила? Может быть, надо было сказать и вместе решить, что делать дальше... Она хоть раз усомнилась в правильности диагноза?.. А если произошла ошибка? Скорее всего, для неё так было удобней, главное – не её вина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.